

Мария Ахметова, Михаил Лурье

Об одном квазидименсивном тексте детского фольклора (опыт структурно-семантической стилизации)

1. Экспозиция

Речь пойдет о детском синкретическом (вербально-жестовом) фольклорном тексте обшценного содержания¹, который обращался в детско-подростковой среде уже в 1940-е гг., а возможно и ранее. Так, в автобиографическом романе А.Я. Сергеева «Альбом для марок» приводится вариант, памятный писателю по собственному детству, проходившему в послевоенное время (писатель родился в 1937 г. в Москве):

Двадцать первый палец

*X*й бывает — показывается на руке от полумизинчика до плеча:*

*детский, кадетский,
штатский, солдатский,
пленный, военный,
самый здоровенный.*

<...>

*П**да бывает — складываются концами
большие и указательные пальцы:*

птичья,

расставляются на фалангу:

овечья,

не размыкая пальцев, во всю длину:

человечья [Сергеев 1997: 212–213].

Мария Вячеславовна Ахметова
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы,
Москва, Россия
malinxi@rambler.ru

Михаил Лазаревич Лурье
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
mlurie@inbox.ru

¹ Нашим материалом, помимо литературных текстов, стали записи из блогов, форумов и социальных сетей, созданные в первые десятилетия XXI в., т.е. случаи естественного (без участия исследователей), но по преимуществу вторичного (по отношению к детской практике) бытования интересующего нас текста в режиме воспоминаний и/или цитирования его элементов. Данные, указанные в личных профилях пользователей (в частности, в «Живом журнале», «ВКонтакте» и блогах на Mail.ru), содержат информацию о месте жительства и годе рождения. Последнее, учитывая, что с рассматриваемым нами текстом носители обычно знакомились в детстве или отрочестве, позволяет делать выводы о времени его бытования. Астерисками обозначены пропуски букв в обшценных словах, в оригинале написанных полностью.

Это едва ли не единственный пример, где этот текст имеет отчетливую бинарную структуру и где названы определяемые объекты, причем нельзя исключить, что вводные фразы дописаны мемуаристом для ясности. Приведем еще два ранних по предполагаемому времени бытования, но более типичных описания, первое из которых принадлежит писателю Е.Б. Федорову, второе — пользователю социальной сети:

[Э]та самая палка об одном конце, тайный уд, у Лепина был первого сорта <...>. Существует сложная градация: детский, кадетский, штатский, солдатский, пленный, военный и — самый здоровенный! У Лепина <...> самый здоровенный [Федоров 1996: 42] (автор родился в 1929 г., в детстве жил в г. Иваново).

Старому дураку 8[-й] десяток, но помню детскую считалку — детский-кадетский-штатский-солдатский-пленный-военный с самый (рыба¹) (Махpark.com, 2012; муж. 1942 г.р., Киев)².

Начиная по крайней мере с 1960-х гг., распространение получают и версии лексического ряда, альтернативные по отношению к представленной в примерах выше:

[Б]ывали шутки про Петро, который первый, но там надо показывать, особенно активно в конце))) «Птичий, девичий, бабий, мужичий, конский, македонский, (много жестов) Петра Первого» (New.topru.org, 2021).

Конский-донский-македонский-трехметровый-раздвижной (Knclub.ru, 2007).

Птичий, мужичий, бычий, Петра I (Toptuha.com, 2013).

Во всех вариантах исследуемый текст представляет собой цепочку по преимуществу рифмованных пар и/или трехчленных групп прилагательных, при этом последний элемент ряда — чаще других *Петра Первого* — иногда остается незарифмованным и выбивается из ритмической структуры, тем самым подчеркивая «складность» предшествующего текста. При этом наиболее стабильными элементом — и, как мы покажем ниже, наиболее продуктивным и востребованным в речевом использовании — оказалась пара *конский, македонский* (в дальнейшем мы будем использовать ее в качестве «визитной карточки» текста, обозначая его *КМ*).

¹ Имеется в виду жест, служащий для обозначения размера обсуждаемого предмета, в частности, известный среди рыбаков как маркирующий размер пойманной рыбы.

² Здесь и далее при цитировании сетевых записей указываются название блога, форума или социальной сети, год записи, а также сведения об авторе (пол, возраст и место жительства), если они известны. Пунктуация приведена к современной норме, орфография сохранена.

Набор жестов, иллюстрирующих размеры объекта, тоже не является строго определенным и в каждом случае коррелирует с вербальной составляющей:

[У]ченики начальной школы <...> не упустят случая исполнить присловье, сопровождающееся показыванием длины сначала мизинца, затем — ладони, руки по локоть и в итоге — по плечо: «Детский (имеется в виду мужской член. — К.Л.), кадетский, мужика дикого, Петра Великого». Части тела (палец, ладонь и т.д.) поднимают при этом вверх, имитируя тем самым положение мужского фаллоса в состоянии эрекции [Логинов 1999: 169].

Как хорошо видно из описания, которое мы привели первым (фрагмент из романа А.Я. Сергеева), структура жестов диктуется в том числе и грамматическим родом определений — прилагательных или существительных, от которых они образованы: в зависимости, хотя и не строгой, от этого показателя демонстрируются «формы» и «размеры» мужских или женских гениталий соответственно:

А еще показывали пальцами, руками и ногами: птичий, девичий, бабский, мужичий, конский, македонский (sic!) [пометка автора. — М.А., М.Л.], Петра первого. <...> Птичий — сомкнув кончики указательных и больших пальцев, чтобы щель была ромбиком, девичий — знак ОК, бабий — соединив попарно указательные и большие пальцы, изобразив большой ромб, мужичий — рыбка с ладонь, конский — по локоть, македонский — [с] всю руку, Петра П. — с ногу (Livejournal.com¹, 2005; муж. 1971 г.р., учился в школе в Бендерах).

Вспомнилась детская считалочка, показываются размеры начиная с кончика ногтя и на последнем растягиваются руки в стороны: Птичий — девичий — бабий — мужичий — конский — македонский — Петра Великого — Ролана Быкова (LJ, 2008; 1973 г.р., Санкт-Петербург).

2. Экспликация

О широкой распространенности КМ в детском и подростковом обиходе последних трех-четырёх поколений свидетельствуют объём нашего корпуса (около ста случаев воспроизведения текста или его фрагментов), внушительная география материала (достоверно выявляются такие регионы России, как Брянская, Ивановская, Ленинградская, Московская, Тамбовская, Свердловская, Ульяновская, Ярославская области, Камчатский,

¹ Далее — LJ.

Краснодарский и Приморский края, Карелия, а также некоторые города Беларуси, Молдовы и Украины), известность КМ не только в городской, но и в сельской среде (см. выше цитату из [Логинов 1999]) и возрастной диапазон носителей (от 1920-х до 1990-х гг. рождения).

Однако еще более надежным и красноречивым показателем усвоенности этого детского фольклорного текста является разнообразие контекстуальных стимулов, регулярно провоцирующих его актуализацию в памяти коммуникантов.

Тематическим контекстом, «запускающим» соответствующую фольклорную ассоциацию, ожидаемо выступает обсуждение мужских гениталий, и прежде всего их размеров — ср., например, комментариев к фотографии мужского эротического белья с прикрепленной к нему мерной лентой: «Конский, донский, македонский, складной японский... КИНКОНГОВСКИЙ» (Dbd.ru, 2007). Более того, те же формулы используются в конструкциях, где прямая номинация *membrum virile* отсутствует — ср., например:

Бывают и те, у кого конский-Донский-Македонский, а них... сделать не могут. А те, у кого птичий-дричий-невеличий, — прямо-таки Казановы (Otveta.mail.ru, 2008).

С таким же эллипсисом объекта элементы-определения включаются в состав оборотов, где у соответствующих лексем подразумеваются переносные значения меры и степени — с одной стороны, ‘ничтожно мало’, ‘ничего’ (ср. *x*й (кому-л.); ни x*я*):

Что получили? Кукиш от золотого тельца. Хочешь дальше, получишь больше: штатский, солдатский, пленный, военный, самый здоровенный (Maxpark.com, 2013; муж. 1951 г.р., Москва);

Знаю человека, которому выпало 100\$, мне почему то конский, донский и македонский (Uapoker.info, 2016),

а с другой — ‘очень много’ (ср. *до x*я*): например, участник форума, посвященного рынку ценных бумаг, предполагает, что после определенной даты бирж (заявок на покупку активов) будет «с гулькину писюльку», а оферов (заявок на продажу активов) — «с конский-македонский» (Forum.2stocks.ru, 2011).

В качестве вербальных стимулов срабатывают отдельные лексемы, входящие в КМ. Наиболее продуктивным из них оказывается слово *птичий* — чаще всего в контексте обсуждения так называемого птичьего гриппа:

Сколько уже было Ацикхех НуТеперьУжТочноСмертельных супермегагриппов? Четыре? «Птичий-Девичий-Бабий-Мужычий», ога.

Выходит, остались Конский да Македонский (Forum.17marta.ru, 2011).

Другим регулярным лексическим триггером выступает прилагательное *конский*. Так, в ряду комментариев к заметке о производстве «конского мяса» появляется запись «Конский, македонский, Петра Первого» (Kavdjaradze.ru, 2012), в обсуждении «конского возбuditеля» возникает реплика «Про конский-македонский не слышал» (Yarportal.ru, 2012), а к записи об актере Г.Г. Конском добавлен следующий комментарий:

Детская шутка вспомнилась. Птичий, девичий, бабий, мужичий, конский... и т.д. ... Это о размерах было (LJ, 2008).

Та же вербальная реакция следует в случаях, когда прилагательное *конский* в исходном контексте употреблено в переносном значении 'непомерно большой' (чаще всего о стоимости чего-либо): «ценник» на получение таможенного разрешения «не то что конский, александро-македонский какой-то» (Forum.awd.ru, 2013; муж., Брянск) и т.п.

Зеркальным образом, стимулом для запуска соответствующей ассоциации становится слово *македонский*. Например, упоминание Александра Македонского в обсуждении гомосексуальных исторических фигур вызывает реплику: «Блин, так это конский-македонский» (coins.su/forum, 2015).

Хотя и менее регулярно, текст КМ в памяти носителей актуализируют также другие встречающиеся в вариантах прилагательные, в частности *бычий*:

для ремонта бензонасоса в пути, пригодится пионерский барабан или пузырь:

бычий,

девичий,

бабий,

мужичий,

конский,

македонский... (forums.drom.ru, 2014);

и детский:

Он ДОХТИР [т.е. доктор] детский, молодецкий, штацкий, солдацкий, гражданский, военный, самый здоровенный (Motodrive.com.ua, 2009).

В пределе, отсылка к КМ может быть спровоцирована любым открытым рядом определений, даже не включающим лексических соответствий, если он содержит намек на градацию размеров — ср., например, фразу из произведения сетевой литературы:

Были там пушки маленькие, пушки большие, пушки средние, царские, королевские, конские, македонские, птичьи, девичьи, бабьи, мужичьи... и Петра Первого — раскладная! [Санин 1999] (автор родился в 1978 г. в Ульяновске).

Наконец, отдельную группу стимулов составляют жесты. В частности, попарно сомкнутые указательные и большие пальцы обеих рук: соответствующая ассоциация из детского фольклора возникла при обсуждении так называемого *ромба Меркель* — характерного жеста бывшего канцлера Германии (ил. 1):

Положение рук как в допотопной детской игре-поговорке: «Птичий, девичий, бабий, мужичий, конский, македонский, Петра Первого» на слове «бабий». Господи, сколько десятков лет с детского сада прошло, а все помню (Yaplakal.com, 2016).

Ил. 1

Другой случай жестового триггера фиксируется в комментарии к снимку, обычно публикуемому с подписью «Лев Толстой рассказывает историю своим внукам. 1909 г.» (ил. 2):

А, возможно, он рассказывает и показывает такую детскую прибаутку (нужно было рассказывать и показывать), не знаю, знали ли Вы такую в детстве: Птичьья, девичья, мальчачья, Донского, Македонского, Петра Первого [sic!...] Как раз то, что он показывает — это Донского. Македонского — по локоть, а Петра Первого — размером с детскую ногу (LJ, eleonorar, 15.08.2012).

Ил. 2

Учитывая многозначность многих жестов, оставляющую значительную свободу в их толковании, различные положения рук могут вызывать устойчивую ассоциацию с КМ и на изображениях других выдающихся людей (см., например, ил. 3).

Ил. 3

3. Проблематизация

Между тем, задаваясь вопросом о функционировании КМ не в интертекстуальном, а в исходном режиме бытования, мы сталкиваемся с крайней скудостью этнографического материала. Единодушно атрибутируя текст как «детский», авторы описаний и упоминаний крайне редко сообщают, в каких обстоятельствах и с какой коммуникативной целью он воспроизводился.

Фольклористы и этнографы, в сферу внимания которых попадал КМ, видели в нем один из инструментов «полового просвещения», происходящего внутри детско-подростковой среды со свойственной ей мифологизацией всей сферы телесности и сексуальности. Так, К.К. Логинов говорит о бытовании данного «присловья» в контексте «подростковых разговоров о выдающихся размерах полового органа кого-нибудь из знакомых мужчин или самих подростков», которые «неизменно переходят на то, что у Петра I член “был длиною в 27 (вариант — 57) спичин”» [Логинов 1999: 169]. В сходном направлении рассуждает Л.В. Жаров, интерпретируя этот текст как репрезентацию детских представлений о типологии мужских гениталий. «Своеобразная мифология пола в ее детском восприятии, — пишет исследователь, — проявлялась в представлениях о размерах полового члена по модели: чем больше, тем лучше. Имела хождение такая шкала размеров, хотя и без точной привязки размера: “детский”, “кадетский”, “штатский”, “солдатский”, “пленный”, “военный”, “самый здоровенный”» [Жаров 2005: 354].

Вместе с тем, будучи включен в вопросительную конструкцию, КМ функционировал (и, возможно, функционирует до сих пор) в качестве розыгрыша, что сообщало ему исключительно игровой, провокативный характер и исключало возможность проекции «шкалы размеров» на представления о реальности. Именно в такой версии один из авторов этой статьи помнит его бытование в московской школе в конце 1980-х гг. (приведем автоэтнографическое описание):

Ребром правой ладони на левой руке попеременно «отмеряли» фалангу пальца, палец, запястье, локтевой сгиб и плечо, синхронно произнося: «Птичий, человеческий, конский, македонский, самого Петра I». Затем жесты повторялись в той же последовательности, но уже с вопросами: «Такой хочешь [фаланга]? А такой [палец]? А такой [запястье]? А такой [локоть]? А от такого не откажешься [плечо]?» Подразумевалось, что автоматически повторяемый ответ «Нет» в последнем случае означал «не откажусь», это свидетельствовало о том, что отвечающий «попался».

Похожий вариант розыгрыша описан пользователем социальной сети — здесь жесту, иллюстрирующему наибольший размер, соответствовал элемент *никакой*, что исключало для жертвы возможность отрицательного ответа:

Тебе какой член: «конский», «донский», «македонский», «никакой»? А никакой это со всю руку. Какой? И не скажешь ведь «никакой» (Vk.com, 2011; муж., 1980 г.р., Екатеринбург).

Между тем это единичные свидетельства в большом массиве материалов, что сигнализирует скорее о том, что коммуникативная рамка розыгрыша (как и трансляция знания) — лишь один из возможных модусов функционирования КМ в детской среде. На это же указывает разноречивость в его обозначениях: «прикол», «обряд», «стишок», «шутка», «прибаутка», «скороговорка», «игра-поговорка», «поэтически-жестовая градация» и т.д. Наиболее часто авторы упоминаний квалифицируют этот текст как считалку (ср.: «детская считалка», «детская считалочка», «считалочка из децтва», «считалочка с жестами»), при этом нет ни одного указания на случаи использования ее по прямому жанровому назначению — в качестве жеребьевки перед игрой, что, в свою очередь, говорит о произвольности и условности такой номинации, возникающей, по-видимому, как следствие синтактико-поэтических особенностей текста.

Таким образом, перед нами, с одной стороны, текст, воспроизводящийся в детской фольклорной традиции на протяжении нескольких поколений и при этом хранящийся в близкой памяти у взрослых носителей языка и активно упоминаемый и используемый ими во множественных речевых контекстах, — иными словами, классический прецедентный текст, обладающий заметной культурной цепкостью¹. С другой стороны, это текст неопределенной жанровой принадлежности, в своем первичном функционировании не приуроченный к каким-либо типовым ситуациям или контекстам, лишенный отчетливой коммуникативной или ритуальной прагматики.

4. Интерпретация

Тот факт, что в случае с КМ «контекст ситуации» не является ни устойчивым, ни определяющим его культурные функции, подталкивает нас к поиску более глубокой и более универсальной прагматики, лежащей в сфере «контекста культуры». И, на наш взгляд, искать ее следует не в области стереотипов телесности и сексуальности и не в специфике детской культуры. Основной смысловой константой, или встроенной функцией

¹ О фольклоре как прецедентных текстах см.: [Богданов 2001: 43–69].

этого текста, не зависящей ни от социальной среды, ни от ситуации, ни от формы его реализации, является измерение. И поскольку речь идет не о реальном измерении (действии), а исключительно о символическом (слове и жесте), то наиболее точным будет квалифицировать его как квазидименсивный текст и акт его исполнения — как квазидименсивную практику (ср. емкое определение в одном из примеров: «детский прикол — замер х...ёв»).

У этой практики есть свои (и достаточно близкие) параллели в традиционной культуре восточных славян. С одной стороны, построение типологии гениталий по признаку размера стоит в одном ряду с описанными в этнографической литературе практиками, сопоставляющими пропорции гениталий с пропорциями других частей тела. Так, русские Карелии судят о размерах пениса по длине и толщине мужских пальцев, а о размерах вагины — по узости или ширине женской ладони [Логинов 1996: 447, 450]. Там же, в Заонежье, зафиксирована народная терминология, обозначающая мужской орган в зависимости от его длины и толщины (*хлыстун, толстун, коротун, щекотун, шишлик* или *пипка*: длина измеряется при помощи ладони, а толщина — при помощи пальца) [Логинов 1999: 174–175].

С другой стороны, как пишет А.К. Байбурин, измерение, в котором задействуется «идея протяженности», находит отражение в обрядовых формах половой идентификации детей: «[П]уповину отрезали на определенном расстоянии от тела для того, чтобы не было отклонений в сексуальной сфере. <...> Например, на Украине было принято расстояние “в три пальца”. Мотивировалось это тем, что если пуповину отрезать ближе, то у мальчика половой член будет слишком короткий, а девочка будет слишком похотливой» [Байбурин 1991: 263–264, 264, примеч. 27]. Целью ритуального обмеривания ребенка было его приведение «в соответствие с теми “идеалами” физического облика, которые приняты в данной традиции», поскольку «то, что измерено (соотнесено с другими вещами, и прежде всего с самим человеком), становится реальностью, приобретает право на существование в освоенном (соразмерном человеку) мире» [Байбурин 1993: 44]. Это замечание представляется важным в контексте нашего исследования, и не только потому, что мы имеем дело с детским фольклором: в конечном итоге, мы не можем исключить, что КМ имеет в своей основе некоторую ритуальную практику, целью которой было обеспечение развития определенных частей тела в социально одобряемых размерах и пропорциях. Во всяком случае, этот гипотетический ритуал логично вписывается в систему форм символического поведения, призванных обеспечить

«переход тела из природного состояния в культурное», который «осуществляется через акции символизации, среди которых широко представлена и практика измерения» [Свирновская 1999: 70].

Размышляя в эту сторону, нельзя не учитывать и формальный аспект: известно, что перечисление однотипных элементов, в том числе ритмизованное и рифмованное, активно задействуется в магическом фольклоре, в частности в заговорах и детских календарных закличках. Более того, в некоторых из них используются те же комбинации элементов, например в заговоре из Орловской губернии:

<...> глаза от лихого,
От серого, от белого, от карего, от черного,
От *бабьего*, от *мужичьего*, от *девичьего*
[Попов 1903: 227, № 21; курсив наш]

или в закличке дождя (Иркутская губерния):

Дождь, дождь, дождь,
На *бабину* рожь,
На *девичью* пшеницу,
На *ребячий* горох,
На *конячий* овес,
На *мужичий* ячмень
Поливай весь день.
[Мартынова 1989: 228, № 615; курсив наш]

Эти сходства, не давая достаточных оснований для того, чтобы заявлять о непосредственном происхождении КМ из магического фольклора, делают такую реконструктивную логику более оправданной — ср. рассуждение А.Л. Топоркова по поводу близости заговоров и считалок: «Сама возможность сближения заговора со считалкой обусловлена формальными особенностями части заговорных текстов (ритмизованный характер, наличие рифмы, небольшой объем, сопоставимый с объемом считалки). <...> Эта возможность реализуется по мере упрощения заговора и утраты семантической связности его компонентов. <...> Влияние заговорной топики на считалку представляет собой часть более общего процесса межпоколенной трансмиссии фольклора» [Топорков 1996: 42–43].

Между тем прагматика измерения как ритуального программирования тела видится нам лишь верхней частью семантического айсберга. Более существенной символической функцией КМ является само предъявление мерной шкалы, в соответствии с которой должен производиться «замер х...ёв». Вне зависимости от жанровой ипостаси, от ситуации и целей исполнения, от целостности или фрагментарности текст КМ предстает как набор

мерок, посредством которого объекту присваивается некоторое значение величины. При этом важно подчеркнуть, что значение это, объективируясь в слове и жесте и тем самым как бы обретая качество абсолютной величины, тем не менее обречено оставаться относительным, поскольку может быть оценено как количественный показатель только в рамках всей шкалы вариантов, вне которой оставалось бы совершенно неочевидным, что, например, *пленный* — это меньше, чем *военный*, но больше, чем *солдатский*.

Как точно замечает А.В. Свирновская, «норма может пониматься и понимается прежде всего как установленная мера. Таким способом упорядочивается как космос, так и социальные отношения» [Свирновская 1998: 239]. Исполнение КМ сигнализирует о том, что *membrum virile* (а значит, и всякий другой значимый предмет, и в пределе любой элемент субстанционального мира) должен быть измерен в соответствии с определенной нормативной системой и таким образом занять свое, подобающее ему место в ряду других объектов. По сути, речь идет о символической инвентаризации действительности, об установлении тотального семиотического контроля над миропорядком. Измерение (в данном случае не как действие, а как проект) выступает здесь в той инструментальной функции, о которой писал А.К. Байбурин, говоря о нем как об одном из «основных инструментов снижения неопределенности», которую призван преодолеть ритуал путем создания «новой знаковой реальности», достижения «нового состояния человека, его “произведений”, Вселенной» [Байбурин 1993: 175]. По-видимому, в этой амбициозной ритуальной функции КМ следует видеть и ответ на загадку его впечатляющей устойчивости не только в детском фольклоре, но и во взрослом речевом обиходе: после знакомства индивида со шкалой размеров, венчаемой *конским*, *македонским*, *Петра Великого*, его знаковая реальность уже никогда не будет прежней.

Источники

- Санин С. Ни для кого не секрет... «Из жизни Николая Михайловича Языкова»: фантастические истории с элементами физиолого-гастрономической сатиры // Домашняя страница Сереги Санина. 1999. <<http://sanin.narod.ru/jazikov.htm>>.
- Сергеев А. Альбом для марок // Сергеев А. Omnibus: Роман. Рассказы. Воспоминания. М.: НЛО, 1997. С. 5–288.
- Федоров Е. Умерла насаякомая. Смена вех: год 1953 // Континент. № 89. 1996. С. 16–122.

Библиография

- Байбурин А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Байбурин А.К., Кон И.С. (отв. ред.). Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Л.: Наука, 1991. С. 257–265.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Богданов К.А.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 438 с.
- Жаров Л.В.* Детский сексуальный фольклор в СССР // Жельвис В.И. (ред.). «Злая лая матерная...»: Сб. статей. М.: Ладомир, 2005. С. 344–356.
- Логинов К.К.* Материалы по сексуальному поведению русских Заонежья // Топорков А.Л. (сост.). Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. статей. М.: Ладомир, 1996. С. 444–453.
- Логинов К.К.* Элементы «порно» в народной культуре русских Карелии // Левитт М., Топорков А.Л. (ред.). Эрос и порнография в русской культуре = Eros and Pornography in Russian Culture: Сб. статей. М.: Ладомир, 1999. С. 163–190.
- Мартынова А.Н.* (сост.). Потешки. Считалки. Небылицы. М.: Современник, 1989. 347 с.
- Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 404 с.
- Свирновская А.В.* Функции измерения в лечебной магии // Богданов К.А., Панченко А.А. (сост.). Мифология и повседневность: Мат-лы науч. конф. 18–20 февраля 1998 года. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 239–247.
- Свирновская А.В.* Измерение тела: идентификационные практики // Богданов К.А., Панченко А.А. (сост., ред.). Мифология и повседневность: Мат-лы науч. конф. 24–26 февраля 1999 года. СПб.: Б.и., 1999. Вып. 2. С. 70–80.
- Топорков А.Л.* О некоторых взаимосвязях между заговором и считалкой // Герасимова И.Е. (сост.). Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и мат-лов. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 1996. С. 39–44.